

Круглов А. Н. Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX веков. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 586 с.

Русская философия, не являясь абсолютно автономной, бесспорно обладает значительным своеобразием и тематически и структурно. Но есть искушение, которому многие из современных исследователей русской мысли просто не в состоянии противостоять – это искушение догматизмом. Слишком соблазнительно, прикрываясь герменевтикой, идеями вживания и интуитивного постижения истины, создать себе некий лубочный образ, оставив за пределами рассмотрения всё то, что ему не соответствует. Прием тут довольно простой и заключается он в противопоставлении русской философии и философии в России. Эта идея, в некоторых случаях весьма плодотворная, зачастую превращается в орудие философской цензуры: когда всё то, что не соответствует нашим концепциям и моделям, объявляется вторичным, производным, маргинальным. Именно так расправляются с русским позитивизмом, марксизмом и прочими проявлениями светского философствования.

Но драматичнее всего складывается русская судьба Канта. И его демонизация, и его обожествление однозначно свидетельствуют о глубоком и искреннем чувстве, живущем в сердце исследователя, но почти не говорят о судьбах самой кантовской философии в России. Кажется, что уж про восприятие Канта русской публикой нам известно всё – и антикантовские хрестоматии тому самое прямое подтверждение. Но парадокс в том, что кроме этих эмоциональных и не всегда справедливых выпадов многими исследователями больше почти ничего и не приводится. Вместо историко-философского исследования нам нередко предъясняется эссе, убедительность которого – в значительной степени в художественных достоинствах текста, а не в фактах.

Сказанное выше необходимо учитывать для того, чтобы верно оценить значение той работы, которую выполнил А. Н. Круглов. Его исследование, феноменально подробное и точное, посвящено Канту – одному из самых мифологизированных русской мыслью философов. Причем мифы эти, возможно, выражая определенные особенности русской философии в прошлом, сегодня некритически переносятся в современную науку, претендуя на статус объективного знания.

Первое, что следует отметить, – это исключительная полнота проведенного исследования. При всей кажущейся необъятности темы, автор избежал искушения ограничиться рассмотрением наиболее сочных сюжетов, оставив гипотетическим продолжателям умозрительную возможность довести до конца начатое им дело. Понятно, что совершенных текстов не бывает, но на сегодняшний день книга «Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX веков» является самым подробным и полным исследованием вопроса, во многом закрывающим данную тему.

В монографии А. Н. Круглова рассматриваются отношения, что непосредственно связывали Канта с Россией (Главы: 1. Период семилетней войны (с. 17–48); 2. Кант и Санкт-Петербургская академия наук (с. 49–53);

3. Русские свидетельства о Канте (с. 54–87); 4. Переписка Канта с россиянами... (с. 88–110)).

Отдельный интерес представляет исследование того, как знакомялась русская публика с философией Канта и как последняя отразилась в преподавании философии в русских университетах (Главы: 5. Хранящиеся в России манускрипты Канта (с. 111–112); 6. Первые переводы Канта на русский язык (с. 113–117); 7. Первые работы о Канте в России (с. 118–143); 8. Кант в русских университетах (с. 144–131); 9. Кант в споре ранних западников и славянофилов (с. 332–338)). Говоря отдельно о той части работы, что посвящена судьбе философии Канта в русских университетах, следует отметить, что она не потерялась на фоне довольно подробных исследований в этой области. Судьбы сторонников и противников философии Канта в Московском, Казанском, Санкт-Петербургском, Харьковском, Дерптском и Виленском университетах рассмотрены тщательно и детально. История Канта в русских университетах дана с привлечением богатейшего историко-биографического материала: автором монографии было специально рассмотрено около 70 персонажей. Кстати, оценить манеру историко-философской работы А.Н. Круглова читатели «Кантовского сборника» могли совсем недавно (по статье во втором номере за 2010 год «Раннее кантианство в России: И. В. Л. Мельман и И. Г. Буле»).

Продолжением этого сюжета можно считать ту часть книги, в которой рассматривается реакция, которую вызвала философия Канта в Санкт-Петербургской, Московской и Киевской духовных академиях (Глава 10. Кант в русских духовных академиях (с. 339–470)).

Отдельного внимания заслуживает в значительной степени методологический экскурс? объясняющий специфику восприятия кантовской философии на русской почве (Глава 11. Докантовские интерпретации понятия трансцендентального в России (с. 471–486)).

Завершается работа заключением (Некоторое итоги (с. 487–497)), в котором автор подводит результаты своего исследования.

Во-первых, отмечается, что отношение к Канту и кантовской философии в России было сложным и неоднозначным, а восприятие критической философии происходило трудно и неравномерно, под сильным влиянием внешних, довольно случайных факторов.

Выделяются этапы распространения кантовской философии в России. А.Н. Круглов связывает первое знакомство русской публики с философией Канта с именами Мельмана и Шадена, с доброжелательными отзывами Карамзина и первыми переводами кантовских работ на русский язык.

Вторая волна связана с именами таких немецких профессоров, как Буле, Рейнгард, Фесслер или Шад, «однако серьезного прогресса в деле освоения кантовской философии она все же не достигла» (с. 487).

Третью волну интереса к философии Канта А.Н. Круглов связывает с именами русских профессоров (Куницына, Галича, Солнцева), чья активность, правда, была сведена на нет внешними обстоятельствами (деятельность Магницкого и Рунича).

На основе детально проведенного исследования утверждается, что «уровень знакомства россиян с кантовской философией в конце XVIII – первой половине XIX веков оценить односложно невозможно» (с. 488). Кроме того, отмечается, по мере развития высшего образования в России

сложилась различные подходы к интерпретации кантовской философии. Восприятие Канта в Харькове, Москве, Казани, Санкт-Петербурге и Киеве имело свои особенности: «Так, в Харькове больше интересовались КЧР и проблемой антиномий, а также естественнонаучными вопросами в их связи с критической философией; в то время как в Казани большее внимание уделяли кантовской этике и кантиански ориентированному праву. Москва, бывшая первым очагом и центром кантианства в России еще XVIII веке, к середине XIX века стала превращаться в периферию русской кантианы; в качестве главного интереса здесь стоит назвать кантовскую эстетику. Санкт-Петербург долгое время отличался самым несдержанным и обличительным отношением к кантовской философии, в то время как для Киева почти с самого начала была свойственна сдержанность и большая объективность в адрес критицизма» (с. 489).

Не менее прочего в работе А. Н. Круглова поражает число приведенных и использованных источников (библиография и список литературы занимает без малого 60 страниц), которые подтверждают фактически каждый тезис, каждое предположение автора. Исповедуя почти немецкий педантизм в работе с источниками, автор выводит обсуждение вопроса о судьбах философии Канта в России на иной историко-философский уровень. Это не значит, что его оппонентам будет нечего сказать: любая возможная полемика отныне должна будет требовать более серьезных аргументов, поскольку, с одной стороны, чрезвычайно сложно, а с другой — необходимо держать высокий академический уровень дискуссии.

Автор исследования показывает, что образ Канта в русской философии был многолик и неоднозначен: его проклинали как *тюремщика, философа отчаяния, чья речь замораживает все живое*; но был в русской мысли и другой Кант — *прославленный мудрец и воспитатель разума*. И он в не меньшей степени выражает то, что для русской философии может быть названо принципиально важным.

В.И. Повилайтис